

В конце октября газеты сообщили об отмене постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», принятого в августе 1946 года, как ошибочного. Сделан еще один шаг по возвращению читателю творческого наследия больших русских писателей, по реабилитации их добрых имен. Отмена «ждановского» постановления возвращает нас к ленинским нормам отношений с творческой интеллигенцией, она — еще одна яркая и

значительная примета перестройки нашей общественной интеллектуальной жизни.

«Ленинградская здравница» приглашает своих читателей принять участие в обсуждении проблем, связанных с увековечением памяти выдающихся соотечественников, живших на сестровецкой земле. Пусть нашими реальными делами руковожат совесть и доброта.

В НАШЕЙ библиотеке сложилась традиция: к знаменательным датам литературного календаря устраивать книжно-иллюстративные выставки. Дважды в год, ко дню рождения и дню памяти, мы знакомим наших читателей с судьбой и творчеством А. С. Пушкина, В. М. Шукшина, В. С. Высоцкого. В этом году мы впервые за много лет устроили выставку, приуроченную ко дню рождения выдающегося советского писателя Михаила Михайловича Зощенко.

Он родился 29 июля (10 августа) 1895 года в Полтаве. Впрочем, в одном из вариантов своей биографии он сам взял под сомнение эти данные, написав, что, возможно, родился

исхождению и труженик по натуре?

Из произведений Зощенко, главным образом из повести «Перед восходом солнца», из воспоминаний современников мы узнаем о жизни писателя, о его творческих исканиях и борениях. Чуковский в своих мемуарах так отзывался о своем товарище: «Это был один из самых красивых людей, каких я когда-либо видел... Смуглый, черноволосый, невысокого роста, с артистическими пальцами маленьких рук, он был элегантен даже в потертом своем пиджаке и в изношенных, заляпанных штблетах...»

Сын известного петербургского художника, он после окончания гимназии поступил

попытка разгадать тайны человеческой психики, особенно явственные в крупных произведениях Зощенко: «Возвращенная молодость», «Голубая книга», «Перед восходом солнца». Они помещены в недавно изданном трехтомнике писателя, в сборнике «Исповедь».

О чем эти книги? О жизни человеческой, о борьбе за свое достоинство и душу, о вечных страстях людских — любви, коварстве, алчности... Материалом писателю служила не только окружающая действительность, но и учение великого физиолога И. П. Павлова, история человеческой культуры, да и собственная жизнь, разумеется, тоже.

У этих произведений, как и у их создателя, оказалась трудная судьба. В Алма-Ате, куда во время войны был эвакуирован больной писатель, он работал над книгой «Перед восходом солнца». В истории литературы, это, пожалуй, единственное произведение, в котором рассказывается о том, как человек силой воли научился управлять своей психикой, победил хандру.

В 1943 году журнал «Октябрь» опубликовал первые шесть глав этой повести, однако от дальнейшего ее печатания здесь вскоре отказались. На свое письмо к Сталину в защиту книги Зощенко ответа не получил, но зато в появившейся вскоре в журнале «Большевик» статье его произведение было названо клеветническим и пошлым, «сдобренным к тому же невежественными, лженаучными рассуждениями об исследовании человеческой психики».

Зощенко понял эту статью как ответ на свое письмо к «мудрейшему вождю» и дальнейших шагов к реабилитации своей главной книги не предпринимал.

А вскоре наступил 1946 год. Сейчас, когда позорное постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград» признано неверным и упоминавшимся в нем писателям не только самой жизнью, но и юридически возвращены добрые имена, не хочется вспоминать терминологию тех лет. Скажем лишь, что газетно-журнальная травля, исключение из Союза писателей, образовавшийся вокруг него общественный вакуум не превратили Михаила Михайловича Зощенко в «писателя с перепуганной душой».

Да, кризис душевный был, и ему мы обязаны тем, что литературный и жизненный путь Михаила Зощенко оказался короче, чем мог бы быть. Но ни испытание 46-м годом, ни судилище, устроенное ему ленинградскими коллегами в 54-м, на котором он не признал «ждановское» постановление справедливым, его гордости русского писателя не сломили.

И если вы видели картину Лентелефильма «Канал Грибоедова, 9», то, конечно, запомнили эпизоды, в которых Венямин Каверин и Леонид Рахманов вспоминают Зощенко в те дни и годы. Слушая их, читая в «Огоньке», «Дружбе народов», «Юности» посвященные ему статьи, открывая впервые или заново мир «последнего русского классика», думаешь о том, что главное, чему всегда учит высокая и трагическая судьба таланта, это жить по совести.

Р. МЕЗЕНЦЕВА,
ст. библиотекарь
Зеленогорской библиотеки

ОТКРЫВАЯ ЗАНОВО

в 1894 году в Петербурге. Скончался Михаил Михайлович в Сестровецке 22 июня 1958 года.

Вхождение Зощенко в литературу было стремительным. «Этот человек, — вспоминал К. Федин, — был первым из всей молодой литературы, который, по виду, без малейшего усилия, как в сказке, получил признание и в литературной среде, и в совершенно необозримой читательской массе. Он действительно проснулся в одно прекрасное утро знаменитым...»

В 1926 году тираж произведений молодого писателя составил 1 миллион экземпляров. А спустя два года в издательстве «Академия» в серии «Мастера современной литературы» о нем появилась целая книга. В 1929 году издательство «Прибой» приступило к печатанию Собраний сочинений М. Зощенко.

Книги молодого автора восторженно принимались читателями и ниспровергались критиками, которые рассказчика, героя произведений отождествляли с писателем. Ругали за то, что он, якобы, не видит ничего положительного в жизни советских людей.

Зощенковская сатира была по носителю социальными и бытовыми уродствам, существовавшим в 20—30-е годы, несмотря на все попытки тогдашних идеологов представить общество безупречно нравственно здоровым и монолитным. Обыватель сохранился, и для его изображения писатель использует его жаргон, канцелярит, неверно понятые иностранные слова. Вспомните хотя бы его классическую «Аристократку» с ее мнимой интеллигентностью, хамством, первобытно-дремучими представлениями о культуре и этикете.

Вот эта-то писательская зоркость и раздражала критиков и тех, кто ими руководил. Ведь тогда царствовала «теория» бесконфликтности и украшения. Но мог ли исповедовать эту теорию писатель, воспринявший, по мнению крупнейших наших литературоведов, реалистические традиции Гоголя и Салтыкова-Щедрина? Мог ли не видеть нравственных бед общества человек, живший одной жизнью со своим народом, интеллигент, дворянин по про-

на юридический факультет университета. Когда началась первая мировая война, добровольцем пошел в армию в чине прапорщика, полученном в военном училище. Был ранен, отравлен газами, испортил сердце. За выдающуюся храбрость награжден пятью боевыми орденами. Был полковым адъютантом, командовал батальоном. Шесть раз арестовывался, приговаривался к смерти.

После февральской революции демобилизовался по состоянию здоровья и был назначен начальником почт и телеграфа и комендантом главного почтамта в Петрограде.

Октябрь принял сразу и безоговорочно. Записался добровольцем в Красную Армию, сражался с белогвардейцами под Нарвой и Ямбургом. Состояние здоровья вынудило вернуться к мирным занятиям. За три года он сменил двенадцать городов и десятков профессий: служил телефонистом в пограничной охране, агентом угрозыска, милиционером, счетоводом, сапожником, инструктором по птицеводству, секретарем суда, делопроизводителем...

Писать рассказы Зощенко начал в 1921 году. Он жил тогда в знаменитом доме искусств на углу Мойки и Невского, открытым по инициативе Горького для поддержки голодающих писателей, художников, музыкантов. Им выдавался паек и по вечерам морковный чай.

Здесь Зощенко сблизился с «Серапионовыми братьями» — молодыми литераторами, составившими впоследствии цвет нашей беллетристики. В эту группу входили В. Каверин, М. Слонимский, К. Федин, В. Иванов, Л. Лунц и другие. Как вспоминал Чуковский, «споры были неистовы. Все литературные течения того переломного времени врывались сюда. Но в первое время было невозможно сказать, какому из этих течений сочувствует Зощенко...»

Он искал свой путь, и этот путь пролегал между «угрюмством» и смехом. Знаящие его вспоминали, каким печальным, а порой и нелюдимым человеком он был. Веселость в сочетании с грустью, смех сквозь слезы — вот что такое зощенковский юмор.

Этот сложный сплав чувств,